

19. 105. б. II/2.

В. В. МУЙКЕЛЬ.
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМЪ II.

Цѣна 1 рубль.

С.ПЕТЕРБУРГъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-ВО „ПРОСВѢЩЕНІЕ“
ЗАВАЛКАНСКІЙ ПР С.Д. 75.
1911.

Собраніе сочиненій
В. В. Муйжеля.

Всемірная бібліотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входять слѣдующія
собранія сочиненій:

I серія.

А. В. Амфитеатрова, подъ наблюденіемъ автора;
Л. Н. Андреева, съ вступительной статьей проф. А. М. Рейснера;
Ф. М. Достоевскаго, съ многочисл. приложеніями;
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ автора;
Г. А. Мачтета, подъ редакціей Д. П. Сильчевскаго;
В. В. Муйжеля, подъ наблюденіемъ автора;
Д. Я. Айзмана, подъ наблюденіемъ автора;
Б. А. Лазаревскаго, подъ наблюденіемъ автора;
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіемъ автора;
Шолома Аша, подъ наблюденіемъ автора.

II серія.

С. Т. Аксакова, подъ редакціей А. Г. Горнфельда;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Каллаша;
Н. А. Добролюбова, подъ редакціей В. П. Крамицфельда;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. Ив. Введенскаго;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Каллаша;
А. И. Левитова, со вступ. статьей А. А. Назарілова;
М. Ю. Лермонтова, подъ ред. Арс. И. Введенскаго;
С. В. Максимова, со вступ. статьей П. В. Еськова;
П. М. Невѣжинна, подъ наблюденіемъ автора;
И. С. Никитина, подъ ред. А. Г. Фоміна и Ю. И. Эйхенвальда;
А. Н. Островскаго, подъ ред. М. И. Писарева;
И. Г. Помяловскаго, ст. біограф. очерк. Н. А. Благовіщенскаго;
А. А. Потѣхіна, подъ наблюденіемъ автора;
А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
И. Я. Солоаевъ, съ портретомъ автора.

III серія.

Чарльза Диккенса, со вступ. статьей Д. П. Сильчевскаго;
Елизы Оржешко, подъ ред. С. С. Зелинскаго;
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Лучицкой;
Гюи де Мопасана, съ критико-біографич. очерк. З. А. Венгеровой;
Эдгара По, съ критико-біографич. очеркомъ М. А. Энгельгардта;
Эміля Золя, подъ редакц. и со вступ. статьями Ф. Д. Батюшкова и
Е. В. Аничкова.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Проsvѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Собраніе сочиненій

В. В. Муйжеля.

Томъ второй.

2-ое изданіе.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Акціон. О-ва „Самообразованіе“,
Забалканскій просп., д. № 75.

Въ непогоду.

Старая, старая, вся будто поросшая мохомъ, съ темнымъ сморщеннымъ лицомъ, на которомъ изъ-подъ желтыхъ клочковатыхъ бровей чуть мерцали выцвѣтшіе отъ старости глаза, согнутая и сгорбленная въ дугу, отчего и спать-то она могла только сидя, Матвѣиха, кряхтя, поднялась на постели и прислушалась.

Въ избѣ было тихо, такъ тихо, что можно было разслышать легкое потрескиваніе фитиля въ лампадкѣ, но эта тишина какъ бы подчеркивала и усиливала цѣлый хаосъ звуковъ, носившихся по улицѣ. Тамъ рѣзко и дико завывалъ вѣтеръ, свирѣпыми порывами налетая на избенку, шурша соломой на крышѣ, завывая въ трубѣ, дребезжа стекломъ убойной рамы. Порой онъ обдавалъ окно цѣлымъ потокомъ дождя, и тогда слышно было, какъ крупныя и холодныя капли его, словно горохъ, сыпались на стекло, барабанили, и потомъ сразу, когда вѣтеръ снова подхватывалъ ихъ, переставали. Иногда вѣтеръ умолкалъ, точно останавливался передохнуть и собраться съ новыми силами, и въ эти промежутки можно было различить глухой, однообразный, но полный свирѣпой моци, шумъ волнъ. Они ревѣли, журчали, съ шипѣнiemъ обрушивались на берегъ, шурша мелкой галькой, перебрасывая съ мѣста на

мѣсто ракушки и щелки. Передохнувъ, вѣтеръ снова налеталъ на избушку, и его вой такъ смѣшился съ шумомъ волнъ, что нельзя было разобрать и отличить одинъ отъ другого эти звуки, сливавшіеся въ одно общее беспорядочное цѣлое.

Временами сквозь вой вѣтра и грохотъ волнъ слышались людскіе голоса и топотъ ногъ. Мимо избушки кто-то пробѣжалъ раза два, потомъ бѣгущихъ было нѣсколько, и они перебрасывались короткими, громкими фразами.

— Костеръ гляди... Гляди костеръ, не то вѣтеръ... — могла только разобрать Матвѣиха, такъ какъ конецъ фразы, подхваченный налетѣвшимъ вѣтромъ, унесся куда-то далеко, въ темноту и холодъ ночи.

— Падара, буря... опять падара, — бормотала Матвѣиха, качая своей трясущейся головой, — напасть Господня... Опять падара... а ловцы-то, ловцы!..

Она еще покачала головой, побормотала что-то — не то молитву, не то опять по поводу бури, и стала подыматься. Но съ первымъ движеньемъ она раскашлялась, захрипѣла, и казалось, что кашель задушитъ ее. Онъ колотилъ ея старое, согнутое дугой тѣло такъ, что голова безпомощно моталась, а въ груди что-то скрипѣло и визжало, какъ въ старой, уже испорченной машинѣ. Матвѣиха кашляла долго, хваталась руками за грудь, трясла головой, ея сѣдые, разбившіеся космами волосы выбились изъ-подъ повойника, и въ избенкѣ долго раздавались хриплые, похожіе на собачій лай,

звуки кашля старухи. Сверчокъ, трещавшій гдѣ-то у пола, испугался этихъ звуковъ и долго молчалъ, прислушиваясь къ нимъ.

Откашлявшись, Матвѣиха кряхтя поднялась и стала натягивать на себя полушибокъ. Полушубокъ былъ такой же старый, какъ и она сама, до того старый, что уже закаленѣль на спинѣ горбомъ по формѣ горба Матвѣихи. Почему-то Матвѣихъ сегодня онъ показался особенно старымъ и истрепаннымъ.

— Надо бы новый, — шептала она провалившимися и ушедшимися куда-то внутрь рта губами, — старъ сталь... Надо бы поновѣе, да вотъ ужо... Ужо къ зимнему Николѣ справимъ, сѣти навяжемъ и справимъ...

Матвѣиха всегда шептала. Какъ будто мысли ея, старыя, одинокія мысли, дѣлались яснѣе и определеннѣе отъ того, что она ихъ чуть слышно шептала сама себѣ. Она была одинока, рѣдко выполняла изъ своей избенки и говорить ей было не съ кѣмъ. Она говорила сама съ собой, возражая себѣ и всегда нашептывала. И разговаривая сама съ собой, она никогда не говорила: «я пойду», «я сдѣлаю», а всегда: «мы пойдемъ» и «мы сдѣлаемъ».

Не успѣла старуха отворить дверь на улицу, какъ вѣтеръ, точно поджидавшій ее до сихъ поръ, съ злобной радостью и воемъ налетѣль на нее, толкнулъ въ сторону, вырвалъ изъ рукъ дверь, хлопнулъ ею изо всей силы и затрепеталъ рваными полами полушибутка. Матвѣиха справилась съ дверью, поймала ее и закинула щеколду.

— Вотъ такъ-то, ничего, ничего, — шептала она, — мы тоже еще можемъ...

Она сошла съ покосившихся и жалобно пищавшихъ ступенекъ крыльца и медленно побрела къ берегу, гдѣ большимъ краснымъ заревомъ пылалъ костеръ.

Дождь биль ее, барабанилъ по затвердѣвшей кожѣ полушибка, мочилъ лицо и, словно слезы, сбѣгалъ по морщинамъ его и прятался въ нихъ. Вѣтеръ, будто играя старухой, то переставалъ совсѣмъ, улетая куда-то, то, вдругъ вырвавшись изъ какого-нибудь проулка, снова подхватывалъ ея сгорбленное тѣло, пузырилъ юбку, разметывалъ въ стороны полы полушибка, и Матвѣиха никакъ не могла справиться съ ними.

— Ахъ... ахъ ты... — шамкала она, съ трудомъ пробираясь по грязной, скользкой дорогѣ, — ахъ ты, пропацій!..

До берега было недалеко, деревушка прильпила на самомъ обрывѣ, но Матвѣиха, пока доползла до него, сильно устала. На обрывѣ, на самомъ краю горбъ громадный костеръ, и красное, мечущееся подъ вѣтромъ, зарево его словно боролось съ наступавшимъ отовсюду мракомъ. Вѣтеръ налеталъ на костеръ, огонь его извивался, мотался въ стороны, и тогда изъ мрака выступали темные, словно присѣвшіе отъ страха къ землѣ, силуэты избѣ, снѣгосушкиныхъ печей, сараевъ. Порывъ проходилъ, огонь снова выпрямлялся и стремился вверхъ, празднуя побѣду надъ непогодой. На свѣтломъ пятнѣ его мелькали черныя фигуры людей,

пробѣгали передъ нимъ и снова скрывались въ темнотѣ.

Старуха подошла къ костру и увидѣла, что тутъ было много народа. Вся деревня высыпала на берегъ. И всѣ стояли и сидѣли на сваленныхъ вблизи бревнахъ молча, изрѣдка только перебрасываясь отрывочными замѣчаніями, и казалось, всѣхъ придавила и испугала нѣпогодъ. Порой слышался только чей-нибудь громкій вздохъ, оханье да бабье причитаніе. Всѣ молчали, напряженно прислушивались къ вою вѣтра и грохоту волнъ, бушующихъ гдѣ-то тамъ, подъ берегомъ, гдѣ разверзлась черная какъ могила пропасть. Въ этой пропасти нельзя было ничего разглядѣть, но чудилось, что тамъ все полно жизни и движенія. Черныя, невидимыя, но могучія волны налетали на берегъ, обдавали его холодной, ледяной водой, гремѣли камнями, шуршали и снова мчались назадъ, въ озеро, чтобы потомъ съ новой силой накинуться на землю. Несмотря на то, что берегъ въ этомъ мѣстѣ былъ очень высокъ, волны, ударившись въ его стѣну, вспрывгивали вверхъ, и тогда тысячи мелкихъ холодныхъ брызгъ летѣли въ костеръ и на людей, сбившихся въ одну общую кучу на сваленныхъ бревнахъ.

— Ишь бьетъ, силица-то какая — страсть! — замѣчалъ тогда кто-нибудь, и въ голосѣ говорившаго проскальзывало нѣчто похожее на страхъ.

— Расходилась падара... — слышался въ отвѣтъ другой голосъ, и снова наступало молчаніе, въ которомъ еще рѣзче и громче завывалъ вѣтеръ, еще сильнѣе и злобнѣе грохотали волны.

По озерному повърью въ бурю, или по мѣстному падару, всѣ утонувшіе въ озерѣ всплываютъ на-верхъ, мечутся по волнамъ и воютъ и стонутъ отъ муки. И дѣйствительно, въ вѣтъ вѣтра, казалось, носились еще какіе-то дикіе звуки, чьи-то стоны и крики, чей-то хохотъ и плачъ. И люди слушали эти стоны и плачъ и прижималсь другъ къ другу, и страшились. Матвѣиха сидѣла на бревнѣ, вслушивалась во всѣ эти страшные и дикіе звуки, качала своей трясущейся головой и шептала:

— Такъ, такъ, такъ, такъ... Души помершія, загубленныя... Такъ, такъ... Господи помилуй, Господи помилуй, спаси и помилуй!.. Души помершія, потонувшія стонуть, могилы просятъ... Господи, спаси и помилуй!-

И ей казалось, что она различаетъ голоса давно уже умершихъ, потонувшихъ въ озерѣ людей, которыхъ она знала. Вотъ будто Карпъ-жерникъ, хозяинъ артели, вскрикнулъ, ровно его голосъ; зычный былъ у Карпа голосъ, сильный былъ онъ человѣкъ... Со всей дружиной потонулъ, льдомъ затерло... Давно это было, ухъ, какъ давно было... Полька тому назадъ, когда не больше. Тоже такая ночь была, только холоднѣе было, дѣло передъ Казанской случилось. Выѣхали — вѣтерокъ былъ, такъ, не большой, а тамъ, въ ночь, и поднялась падара... Съ Чудского озера ледъ шелъ, льдины огромадныя, ну и затерло... Темно, не видать, между льдинъ, видно, лодья попала и сплющило ее... Вся дружина, двѣнадцать человѣкъ... Послѣ четырехъ только нашли: самого Карпа-жерника да

трехъ палавщиковъ. Карпа-то ажъ къ Будовижу выбросило — ишь верстъ тридцать будетъ! Да! Вотъ и воетъ, и плачетъ! Безъ покаянія, безъ сопорованія кончину пріяль. Да... озеро, озеро, ты и кормилецъ, ты и губитель! А вотъ будто Настинъ голосъ... Тоже затонула... И тоже въ падару, только съ весны то было. На красную горку свадьбу хотѣли играть съ Митькой Козловымъ, все подготовили. На лову, въ ночь, въ падару, на три камня, что у Шартова, лодья налетѣла, два человѣка только и спаслось: Митька да Шатуновъ. Митька-то все Настию на себѣ волокъ, приволокъ, а она мертвая... Надо быть, о камень вдарилась, какъ изъ лоды вышибло... Да, плачетъ, стонеть... Тоже давно было!

Матвѣиха вспоминала то, что давно было, прислушивалась къ вѣтру и къ немолчному рокоту волнъ, и озеро подсказывало ей новые случаи, новыя воспоминанія.

— А помнишь, — говорило ей озеро, — батюшка-то твой Матвѣй Савельичъ, распьяно-пьяный въ падару на челночкѣ въ озеро махнулъ, въ Лисье за виномъ полетѣлъ? Какъ только Богъ спасъ, Царица небесная, долго ль до бѣды? Челнокъ-то долбежка, душегубка, онъ одинъ, да въ этакую падару! Выѣхалъ-то смѣло, да еще смѣлѣй прїѣхалъ: какъ врѣзаль челнокъ въ берегъ — глядитъ, деревня. Народъ также вотъ у костра ловцовъ ждетъ. Спрашивается: «Что за деревня?» — «Баглицы», говорятъ. А Баглицы противъ Лисей, на другомъ берегу, верстъ двадцать пять будетъ. «Ну, — гово-

ритъ, — ладно, давай водки, да и назадъ!» Добре, что не пустили... Грѣхи, грѣхи, все винцо да удалъ!...

— А помнишь, — снова напоминало озеро, — какъ Петя сушильщикъ въ Талабскъ за фершаломъ ъздилъ? Тоже ледъ почти становился, а у него дочка Надюшка горломъ занедужилась... Въ ночь, въ падару въ Талабскъ за фершаломъ на лодъѣ въ два весла... Это тридцать-то версты! Поѣхаль и пропаль... Дочь померла, и день прошелъ, и два, а его нѣтъ... Послѣ ужъ никакъ черезъ мѣсяцъ нашли — въ Дубу лодья разбитая на берегъ выкинута и онъ съ разворочанной головой... Что — какъ? Ничего не извѣстно!

— Охъ, Господи многомилостивый, Никола Угодникъ, Косьма и Демьянъ безсребряные... — бормотала старуха, качая головой.

— Что колдуешь, старая? — вдругъ услышала Матвѣиха и подняла голову. Рядомъ съ ней, закутавшись съ головой въ армякъ, сидѣла темная фигура.

Матвѣиха взглянула и узнала ее.

— Это ты, Проша?

— Я, самолично я... — фигура не докончила начатой фразы и поперхнулась. Она силилась откашляться, харкала и плевала, низко нагибаясь къ землѣ, такъ что голова уходила совсѣмъ въ колѣни. Во время этихъ усилий армякъ сѣхалъ съ головы, и можно было разсмотреть желтое — исхудавшее молодое лицо.

— Все бѣть? — полюбопытствовала Матвѣиха.

— Бѣть... Страсть бѣть, — отвѣчалъ парень, — все время... Ровно засѣло что въ груди, не отплюнуться...

Парень, наконецъ, откашлялся, передохнулъ и вытеръ рукавомъ рубахи потъ, выступившій на лбу.

Наступило опять молчаніе. Вѣтеръ попрежнему завывалъ, волны тщетно колотились объ обрывъ берега, плескали и разбрасывали брызги. Огонь костра попрежнему метался изъ стороны въ сторону, и сырья полѣнья въ немъ шипѣли и потрескивали. Изъ темноты выступилъ тяжелый силуэтъ музыкника въ кожухѣ и, подойдя къ огню, принялъ мѣшать палкой въ дровахъ.

— Охъ, Господи, Господи, — вздохнулъ кто-то, и по голосу можно было догадаться, что это была женщина.

— Воѣтъ-то, воѣтъ-то какъ, — отвѣчалъ другой бабий голосъ.

— Страсть...

— Господи, спаси и помилуй!

— Теменъ-то — зги не видать, — замѣтилъ мужикъ, — вотъ гдѣ ловцамъ жутъ!

— Не дай Богъ!

— Не тронулъ бы ледъ, будеть тогда... — послышался хриплый басъ и крякнулъ.

— Не долженъ бы... Дождь силенъ. А когда дождь — льду не бываетъ.

— Сказалъ: не бываетъ! И сколько угодно даже бываетъ!

— Надо думать, что сколько угодно, — выступилъ новый голосъ.

— И всегда даже бывает!

— Льтось тоже воть падара была, дождь, снъгъ, а ледъ пошелъ съ Чудского озера, — проговорилъ тотъ, что замѣтилъ о темени, и вслѣдъ затѣмъ изъ мрака поднялся мужикъ и подошелъ къ костру. Мужикъ наклонился, долго копался въ кострѣ и, вынувъ, наконецъ, изъ него маленький уголекъ, закурилъ. Потомъ онъ выпрямился и прислушался.

— Ты чего? — спросили съ бревенъ.

— Тише... Быдто звонъ гдѣ-то? — отвѣчалъ онъ, снимая шапку, чтобы лучше слышать.

Дѣйствительно, порывъ вѣтра, вмѣстѣ съ своимъ дикимъ завывањемъ, принесъ новые звуки. Гдѣ-то звонили, звонили какъ въ набатъ, торопливо и часто. Вѣтеръ подхватывалъ эти звуки, рвалъ ихъ, иногда заглушая, иногда усиливая, и тогда казалось, что звонили совсѣмъ близко.

— Это въ Лисьяхъ, — замѣтилъ мужикъ и сталъ раскүривать трубку.

— Должно въ Лисьяхъ... Ловцовъ сзываютъ...

— Не иначе какъ въ Лисьяхъ. Тамъ въ падару попъ всегда приказываетъ огонь на колокольнѣ зажигать и звонить въ большой колоколь.

— Тамъ попъ хороший...

— Ничего батя... Ишь отзваниваетъ!

Опять всѣ прислушались. Но вѣтеръ, словно разсердившись на звонъ, завыль и загудѣль сильнѣе. Только изрѣдка, когда онъ улеталъ за деревню, въ низкое мокре поле, съ озера опять до-

носились все тѣ же торопливые, беспорядочные звуки, отрывистые и слабые, едва могущіе бороться съ грохотомъ волнъ и злостью вѣтра.

— А ловцовъ не слыхать, — сказалъ мужикъ у костра.

— Помилуй Господи — нѣтъ... — согласились съ нимъ.

— Какъ-то доберутся? Ждешъ-ждешъ, индо сердце изболить все, — замѣтилъ бабій голосъ.

Кое-гдѣ раздались вздохи. Всѣ ждали, у всѣхъ изболѣло сердце. У всѣхъ въ воображеніи вставала картина, какъ гдѣ-то тамъ, на холодномъ просторѣ бушующаго озера, борются съ волнами ихъ отцы, мужья, братья, дѣти... Свирыпые волны кидаютъ ихъ лоды, обрушиваются на нихъ, вѣтеръ рветъ изъ рукъ весла, дождь хлещетъ ихъ, а они плывутъ, выбиваются изъ силъ, гребутъ...

Всѣ какъ-то сразу замолчали, никто не хотѣлъ говорить, всѣ притихли и слушали. Вѣтеръ по-прежнему носился и выль, съ яростью озлобленнаго, упорного звѣря кидались на берегъ волны, ревѣли, что-то швыряли, что-то ломали. Порою онъ ударились въ стѣну берега съ такой силой, что грохотъ ихъ походилъ на грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ. Изрѣдка среди всѣхъ этихъ звуковъ, издалека, словно совсѣмъ изъ другого міра, доносился торопливый, тревожный звонъ.

Вдругъ Матвѣиха подняла голову. Среди завыванія бури, среди этихъ разнородныхъ звуковъ разгнѣванной стихіи, ей почудился новый звукъ, звукъ такъ не похожій на прежніе побѣдные звуки бу-

ри — слабый, беспомощный, звукъ человѣческаго голоса.

Матвѣиха даже не могла сказать навѣрное: слышала ли она этотъ голосъ или онъ ей только почудился. Она склонила голову на бокъ, отвернула отъ уха платокъ, которымъ была повязана, и чутко прислушалась. Все свое вниманіе она сосредоточила на томъ, чтобы въ шумѣ и грохотѣ бури различить почудившійся ей человѣческій голосъ. Она хотѣла не обращать вниманія ни на плескъ волнъ, ни на завываніе вѣтра, ни на трескъ и гудѣніе пламени костра, она искала и хотѣла выдѣлить изъ всѣхъ этихъ звуковъ робкій, жалобный людской крикъ. Но если онъ не показался ей, а былъ на самомъ дѣлѣ, онъ былъ слишкомъ слабъ, слишкомъ беспомощенъ въ сравненіи съ яростными и могучими звуками бурной ночи.

Матвѣиха слушала долго, упорно, собравъ все свое вниманіе на почудившемся ей и пропавшемъ безслѣдно голосъ. И отъ того ли, что она вся ушла въ желаніе услышать этотъ голосъ и не обращать вниманія на звуки бури, или отъ того, что голосъ этотъ сталъ сильнѣе и громче, но ей показалось, что буря ушла куда-то далеко, пролетѣла мимо, а вмѣсто ея воплей и стоновъ явственно донеслось:

— ... о-о-и-и-те-е-е-е!!! о-о-и-и-те-е-е-е!!!

Словно кто-то толкнулъ старуху. Она рѣзко, не по лѣтамъ быстро, поднялась.

— Что ты? — спросилъ ее сидѣвшій рядомъ парень.

Матвѣиха качнула головой и снова стала прислушиваться.

— ... о-о-и-и-те-е-е!!! о-о-и-и-те-е-е!!! — отчетливо и ясно услышала она.

— Кричать!.. Вѣпятъ! — громко и словно не своимъ голосомъ сказала старуха. — На озерѣ вѣпятъ!..

Люди заволновались. Сидѣвшіе на бревнахъ поднялись, многіе подошли къ самому обрыву берега, подъ которымъ въ клубившемся тамъ мракѣ были и швырялись брызгами волны. Сразу всѣ вдругъ заговорили, загадали и сразу умолкли, насторожившись. Но сначала, кромѣ воя вѣтра и плеска волнъ, они ничего не могли разобрать. Только теперь, чутко прислушавшись, среди этого плеска можно было уловить, какъ на изрубѣй, границѣ, гдѣ кончается полуверстная береговая отмель и сразу обрывомъ начинается трехсаженная глубина, съ особой яростью сталкивались волны. Тѣ, которые ударялись въ берегъ, въ безсильной злобѣ стремились назадъ и на изрубинѣ сталкивались съ новыми, мчавшимися изъ мрака озера, столкнувшись взлетали вверхъ и, обезсиленный, побѣжденный новыми волнами, летѣли опять назадъ, на берегъ, чтобы съ дикимъ остервенѣніемъ наброситься на него и разсыпаться тысячию брызгъ.

Собравшіеся на берегу люди слышали эту борьбу волнъ, слышали стоны вѣтра и среди нихъ не могли различить слабаго голоса людей. Они не могли выдѣлить этотъ голосъ бури, не могли, какъ Матвѣиха, сосредоточить все свое вниманіе на немъ

и напряженiemъ воли и вниманія пропустить мимо всѣ остальные звуки.

Когда играетъ полный оркестръ, надо собрать много вниманія, сдѣлать большое усиленіе, чтобы различить среди сливающихся звуковъ многихъ инструментовъ звукъ какой-нибудь флейты или скрипки. Но разъ это удалось, разъ успѣль уловить хоть на моментъ одинъ этотъ звукъ — ухо невольно начинаетъ слѣдить за нимъ и всѣ другіе звуки остальныхъ инструментовъ дѣлаются какъ-то незамѣтны, пролетаютъ мимо.

Матвѣихъ удалось среди беспорядочнаго концерта бушующаго озера поймать ноту человѣческаго голоса. И теперь она улавливала только этотъ голосъ, и голоса бури летѣли мимо нея, не оставляя по себѣ почти никакого впечатлѣнія.

— ...о-о-и-те-е-e!!! По-мо-ги-те-e! — слышала она, слышала такъ ясно, такъ отчетливо, что различала даже, что кричитъ голосъ не одного человѣка, а нѣсколькихъ.

— О-о-и-и-те-e!

Вѣроятно, и всѣмъ прислушивающимся на берегу удалось сосредоточить вниманіе, и они поймали этотъ крикъ. И сразу всѣ вдругъ зашевелились, засуетились, закричали. Нѣкоторые даже пытались крикнуть въ отвѣтъ что-то, но крикъ этотъ, подхваченный налетѣвшимъ съ озера порывомъ вѣтра, унесся за деревню. Всѣ перекликались между собой, бѣгали, хлопали себя по поламъ полу-шубковъ и армяковъ, произносили короткія, отрывочные и въ сущности ничего не выражавшія замѣ-

чанія — и все это было какъ-то беспорядочно, растерянно, беспомощно. Мысль, что гдѣ-то тамъ, въ этомъ черномъ, холодномъ мракѣ, не дальше какъ за полверсты отсюда, на изрубѣ погибаютъ люди, пришибла, придавила всѣхъ, отняла вдругъ способность думать и соображать. Всѣ безтолково совались изъ стороны въ сторону, куда-то бѣгали, что-то кричали, растерянные, беспомощные, начинали спорить, что-то хотѣли предпринять и ничего не предпринимали. А изъ тьмы ночи, тамъ, гдѣ съ пѣною сшибались другъ съ другомъ, прыгали и клокотали волны, бѣшено носился вѣтеръ, захватывая собою цѣлые потоки дождя — попрежнему почти безнадежно, но теперь ясно и отчетливо доносилось:

— По-мо-ги-те! По-мо-ги-те!

И люди метались еще безтолковѣ, говорили еще громче, спорили еще оживленнѣе и дѣлались все болѣе беспомощны. Казалось, этотъ крикъ разомъ отшибъ у нихъ умъ.

— Это на изрубѣ, безпремѣнно на изрубѣ,— кричалъ высокій бородатый мужикъ, и дикий страхъ, нагнанный доносившимся крикомъ, искажалъ нервной судорогой его мокре отъ дождя, морщинистое лицо.

Молодой парень хлопалъ себя по ляжкамъ и растерянно повторялъ:

— На камняхъ сѣли... На изрубѣ на камняхъ сѣли...

А какая-то бабенка, съ вытаращенными отъ страха глазами, страстнымъ движеніемъ прижимала руки къ груди и твердила:

— Ахъ, ахъ, ахъ! ..

И всѣ метались, всѣ бѣгали, всѣ ужасались и никто ничего не дѣлалъ.

А буря попрежнему носилась надъ озеромъ, подхватывала волны, бросала ихъ въ берегъ, вѣтеръ то тоскливо стональ, то рыдалъ, то выль... И всѣ эти звуки были такъ ужасны, такъ сильны, что при одной мысли броситься теперь туда, гдѣ грохотали словно пушечные выстрѣлы волны, гдѣ злобно ревѣль и рвалъ вѣтеръ, гдѣ гибли теперь люди, броситься въ озеро — смертельный холодъ скималъ сердце человѣка.

Крикъ, донесшійся съ озера, полный отчаянія и ужаса, крикъ гибнущихъ людей, въ каждомъ изъ стоявшихъ на берегу пробудилъ, помимо состраданія, помимо участія, помимо боязни за участъ родныхъ — еще одно страшное по своей силѣ и беспощадности чувство: эгоизмъ жизни.

Тамъ, цѣпляясь за обломки разбитой волнами и застрявшей между камнями изрубья лодки, изнемогали люди и въ смертельномъ отчаяніи требовали помощи. Здѣсь на берегу стояли ждавшіе ихъ, боявшіеся за нихъ, любящіе ихъ и слушали этотъ крикъ, топтались на мѣстѣ, ужасались и не помогали. Эгоизмъ жизни убилъ въ нихъ все, убилъ предпримчивость, смѣлость, даже любовь. Броситься туда, въ эту бушующій волнами адъ теперь, сейчасъ — почти значило погибнуть. Волны послѣ первыхъ же взмаховъ весель подхватили бы лодку и, какъ щепку, швырнули бы въ камни берега, разбивъ ее вдребезги. И мысль о погибели, о смер-

ти «сейчасть» — чувство самосохраненія существа полнаго жизни, протестующаго противъ уничтоженія — оказалась сильнѣе любви, сильнѣе родственныхъ узъ, сильнѣе разсудка ...

Матвѣиха все время стояла и прислушивалась. Казалось, она въ эти минуты была въ жизни, въ той обстановки, которая окружала ее. Она ждала. Чего? Она сама не могла бы сказать, но она спокойно стояла, попрежнему склонивъ свою сѣдую, косматую голову, съ которой платокъ сбился и сползъ на шею, и ждала. И вдругъ, оглянувшись кругомъ, она замѣтила нѣчто странное. Она замѣтила, что всѣ стояли на берегу, топтались на мѣстѣ, и никто никуда не побѣжалъ, никто ничего, казалось, и не думалъ предпринимать.

Сперва Матвѣиха изумилась. Потомъ она внимательнымъ, острымъ взглядомъ своихъ выцвѣвшихъ глазъ, чуть мерцавшихъ изъ-подъ нависшихъ бровей, взглядѣлась въ лицо толпящихся людей и мотнула головой. Она даже не поняла, что происходит въ душѣ каждого изъ этихъ растерянно топчущихся мужиковъ и бабъ, не поняла сложнаго процесса, который творился тамъ, а просто своей бабьей душой почуяла, что дѣло неладно. А почувавши, она еще разъ мотнула головой, какъ быкъ, который внезапно разсердился, и, стукнувъ о землю своей старой, какъ и она сама, и такой же кривой клюкой, вдругъ заговорила.

Если бы ее потомъ, когда-нибудь, спросили, что и какъ говорила она тогда на берегу, — она подумала бы, постаралась припомнить и, покачавъ го-

ловой, откровенно созналась бы: «не упомню!». И она действительно не помнила.

Она заговорила вдругъ, неожиданно, заговорила громко, какъ будто не своимъ голосомъ, заговорила просто и гнѣвно. Она не искала выражений, даже не думала о томъ, какъ она скажетъ и поймутъ ли ее, но она говорила ясно и говорила такъ, что всѣ невольно стали ее слушать. И по мѣрѣ того, какъ говорила эта согнутая въ дугу, словно поросшая мохомъ, старуха, страхъ за жизнь, охватывавшій всѣхъ слушавшихъ ее людей, какъ-то таялъ, расплывался, а на смѣну ему являлось новое, невѣдомое дотолѣ чувство, такое же простое и ясное, какъ просты и ясны были слова старухи. Приязанность къ жизни, боязнь за нее, подлый, нелѣпый страхъ смерти незамѣтно отходилъ отъ этихъ людей, и они поняли, такъ ясно и хорошо поняли, что они должны помочь. Это было такъ ясно и такъ просто, что можно было только удивляться, какъ не могли они понять этого раньше.

— Бога, Бога забыли, креста на васъ нѣту! — пересиливая вой бури, кричала Матвѣиха, грозно стуча клюкою по бревнамъ, — есть ли Богъ въ васъ? Что вы? Опом-ни-тесь!!! О чемъ задумались? Христа забыли! Сказано есть: положи животъ свой... Али запамятовали?

И чѣмъ дальше она говорила, тѣмъ крѣпче становился ея голосъ, рѣзче выраженія, сердитѣе видъ. И странно, и чудно было смотрѣть на эту сгорбленную старуху, одѣтую въ рваный полушибокъ, полы котораго рвались и мотались вѣтеръ, сердитую, старую,

рѣзкимъ чернымъ силуэтомъ выдѣлявшуюся на фонѣ костра.

— Христа забыли, — твердила Матвѣиха, сердито стуча своей клюкою, — помните, грѣшники, слова его...

Она вдругъ, такъ же внезапно, какъ и заговорила, умолкла, показала рукой въ ту сторону, откуда неслись крики гибнущихъ людей, и коротко добавила:

— Съ Богомъ!..

Потомъ махнула рукой, раскашлялась старческимъ хриплымъ кашлемъ и, опустивъ голову, присѣла на бревно. И долго еще среди воя бури раздавался ея скрипящій, похожій на собачій лай, кашель, отъ котораго, казалось, въ старой груди ея лопаются и рвутся какія-то ржавыя струны.

А пока она кашляла, у снѣтосушильныхъ печей, тамъ, гдѣ берегъ спускался къ водѣ отлогимъ скатомъ, за деревней, сутились люди, кричали, тащили весла, багры, веревки и выводили изъ заводи лодью. И черезъ нѣсколько минутъ большая лодья, ныряя какъ чайка въ волнахъ, то взлетая наверхъ, то упадая въ бездну, боролась съ откидывающими ее назадъ волнами и стремилась туда, гдѣ все тише и тише раздавались хриплые, полные отчаянія крики:

— Помогите, помогите!..

Матвѣиха дождалась возвращенія лодки. Она все время сидѣла сгорбившись на бревнахъ и что-то бормотала своими ввалившимися губами. И нельзя

было понять, шепчетъ ли она молитву, или просто разговариваетъ сама съ собой, или продолжаетъ еще бранить робкихъ, оторопѣвшихъ людей, допускавшихъ на своихъ глазахъ гибель близкихъ.

Черезъ два часа, когда стало еще холоднѣе и силуэты предметовъ стали отчетливѣе и плотнѣе выдѣляться въ сумеркахъ едва занявшагося утра, когда вѣтеръ нѣсколько ослабъ и волны озера не такъ свирѣпо набрасывались на берегъ, словно онъ устали, истомились за долгую бурную ночь, пришла назадъ лодка. Матвѣиха пересмотрѣла всѣхъ вернувшихся, убѣдилась, что всѣ цѣлы, и никто не погибъ, узнала обстоятельства гибели рыбаккой лоды, пожалѣла пропавшія снасти и отправилась домой, въ свою одинокую хибарку. Она шла медленно, устало, продрогшая отъ холода и дождя, и на душѣ у нея было тихо и покойно. Прислушиваясь къ этой тишинѣ, она удивлялась, почему и откуда она явилась, и не могла понять этого. То, что она сдѣлала, было такъ просто и несложно, что она почти забыла объ этомъ. Какъ не думала она тогда, когда говорила оторопѣвшимъ и растерявшимся людямъ, поддавшимся слабости жизни, такъ не думала она и теперь, когда все было кончено, сдѣлано. Маленькую искру, совсѣмъ готовую потухнуть, она раздула въ яркое пламя, и для нея это было такъ просто...

Она вошла въ избенку, поправила нагорѣвшій фитиль лампадки и стала снимать свой старый полушибокъ.

— Охъ, старъ, старъ стала полушибокъ-то, —

бормотала она, — ну, да ничего... ужо справимся... сѣти вывяжемъ... ужо... Охо-хо-хо!..

Потомъ она залѣзла на свою убогую кровать, скрипѣвшую и стонавшую словно отъ боли, и — старая, старая, вся сморщенная и сгорблена, сѣдая и трясущаяся — тихо, какъ ребенокъ, заснула.

Фитиль въ лампадкѣ опять нагорѣль и слегка потрескивалъ, однообразно и скучно верещаль гдѣ-то сверчокъ... Сѣренѣкій, бѣлесоватый разсвѣть глядѣлъ въ окошко, порой дребежжало заклеенное бумагой стекло подъ порывами обезсильвшаго уже вѣтра, да издали, съ озера, доносился усталый плескъ измучившихся и успокаивающихя волнъ...